

Анастасия Головкина

**"Не плачь, не
жалуйся, не надо..."**

**Диптих Марии
Петровых 1942 года**

Анастасия Головкина
«Не плачь, не жалуйся, не
надо...» Диптих Марии
Петровых 1942 года

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70468090
SelfPub; 2024*

Аннотация

О стихотворении Марии Петровых «Не плачь, не жалуйся, не надо...» известный армянский критик сказал, как о написанном «в час горя, в час одинокой печали». Опираясь на архивные документы, автор настоящей работы восстанавливает трагические события, сквозящие между поэтических строк.

Анастасия Головкина

**"Не плачь, не жалуйся, не
надо..." Диптих Марии
Петровых 1942 года**

**Очерк из серии «Мария Петровых:
новейшие факты биографии»**

У этой утраты не было лица, не было плоти. Только бу-
мажка, где было сказано, что осужденный В.Д. Головачев
скончался от какой-то болезни, о которой прежде никто из
близких не слышал.

Когда Мария Сергеевна получила извещение о гибели Ви-
талия Дмитриевича, она не в силах была сдерживать эту боль
в себе. Как воздух ей нужны были тогда слова поддержки! И
она писала, писала родным и близким в надежде услышать
какие-то особенные слова, которые вернут ей силы и волю к
жизни. Исполненное отчаяния письмо она отправила своему
институтскому другу, поэту Арсению Тарковскому, и даже
попросила его приехать к ней в Чистополь, хотя прекрасно
понимала, что он находится в действующей армии и вряд ли
сможет покинуть военную часть.

«Родная моя Маруся, – отвечает ей Арсений 9 июля 1942 года, – может быть, о Виталии это еще неверно, м.б. он переменял адрес или что-нибудь другое, совершенно нестрашное? Если же с ним действительно так плохо, как ты говоришь, то чем я могу тебя утешить? Будь тверда, не печалься больше, чем можно, чтобы не мучить Аришку. Себя можно перегнуть, скрепиться. Нет теперь легкой жизни, а приехать я никак не могу, потому что я – на войне, и это почти так же, как то, что случилось с Головачевым. Ты пиши стихи, мне всегда становилось легче, написав. Мне теперь не до них, я пишу только для газеты, которая отнимает все, и для себя уже не хватает пороху. Не унывай, родная; ты – поэт. И хоть это не утешает поэтов настоящих, но ты подыми голову, потому что никакой смерти нет, ее выдумали, не верь ей. Я не могу найти нужных тебе слов...» [2]

Слова в такие минуты подобрать трудно. А у человека на фронте и времени нет на раздумья. Тем не менее, Тарковскому удалось найти слова нетривиальные, приводящие душу в движение: «Ты поэт. Не позволяй смерти разрушать свой лирический мир! Это в твоей власти». Вероятно, нечто подобное в виде мимолетных предмыслий уже вертелось в голове у самой Марии Сергеевны. В 20-х числах августа 1942 года у нее рождаются два стихотворения, которые, согласно ее воле, во всех сборниках публикуются как диптих.

Глубокий, будто темно-золотой,
Похожий тоном на твои глаза,
Божественною жизнью налитой,
Прозрачный, точно детская слеза,
Огромный, как заоблаченный гром,
Непогрешимо-ровный, как прибой,
Незапечатлеваемый пером –
Звук сердца, ставшего моей судьбой.

Звук сердца золотоглазого лирического героя освобождается от телесных оков, и теперь героиня ощущает его вокруг себя, как пульсацию вселенной. А герой не умер. Он ушел... Где-то там далеко с ним случилось нечто непоправимое или он просто покинул героиню по своей воле. Теперь это уже не так важно. Чувство любви, которое некогда пробудил в ней золотоглазый, не нуждается более в его физической оболочке, становясь самоценным и самодостаточным.

Не плачь, не жалуйся, не надо,
Слезами горю не помочь.
В рассвете кроется награда
За мученическую ночь.

Сбрось пламенное покрывало,
И платье наскоро надень,

И уходи куда попало
В разгорячающийся день.

Тобой овладевает солнце.
Его неодолимый жар
В зрачках блеснет на самом донце,
На сердце ляжет, как загар.

Когда в твоём сольется теле
Владычество его лучей,
Скажи по правде – неужели

Тебя ласкали горячей?

Поди к реке и кинься в воду,
И, если можешь, – поплыви.
Какую всколыхнешь свободу,
Какой доверишься любви!

Про горе вспомнишь ты едва ли,
И ты не назовешь – когда
Тебя нежнее целовали
И сладостнее, чем вода.

Ты вновь желанна и прекрасна,
И ты опомнишься не вдруг

От этих ласково и властно
Струящихся по телу рук.

А воздух? Он с тобой до гроба,
Суровый или голубой,
Вы счастливы на зависть оба, –
Ты дышишь им, а он тобой.

И дождь придет к тебе по крыше,
Все то же вразнобой долбя.
Он сердцем всех прямей и выше,
Всю ночь он плачет про тебя.

Ты видишь – сил влюбленных много.
Ты их своими назови.
Неправда, ты не одинока
В твоей отвергнутой любви.

Не плачь, не жалуйся, не надо,
Слезами горю не помочь.
В рассвете кроется награда
За мученическую ночь.

ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив литературы и искусства

1. Ф. 619. Редакция журнала «Октябрь» (Москва, 1924 – по настоящее время). Оп. 1. Ед. хр. 3090. Л. 52

Личный фонд Марии Петровых

2. Оп. 21.1

Литература

3. Головкина, А.И. Виталий Головачев и Мария Петровых в письмах военных лет 1941 – 1943: к 115-летию со дня рождения М.С. Петровых (1908 – 1979) / сост. Анастасия Головкина. – М.: Издательство РСР, 2024. – 40 с.

4. Мкртчян, Л.М. Так назначено судьбой. Заметки и воспоминания о Марии Петровых. Письма Марии Петровых. – Ер.: изд-во РАУ, 2000 г. – 192 стр. 16 ил.

5. Петровых, Е.С. Мои воспоминания // Моя родина – Норский посад: сборник / ред. и подгот. текстов А.М. Рутмана, Л.Е. Новожиловой; коммент. Г.В. Красильникова, А.М. Рутмана. – Ярославль: Изд-во Александра Рутмана, 2005. С. 7 – 216.

6. Петровых, М.С. Дальнее дерево. Предисловие Л. Мкртчяна. – Ереван: Издательство «Айастан», 1968. – 206 с.

7. Петровых, М.С. Избранное: Стихотворения. Переводы. Из письменного стола/Сост., подгот. текста А. Головачевой,

Н. Глен; Вступ. ст. А. Гелескула. – М.: Худож. лит., 1991. – 383 с.